

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2019**

4

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 4 (204) 2019 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 4 (204) 2019*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Евлоева Ф.Р. Негативные аспекты влияния на человека современных средств массовой информации	4
Кузьменков В.А. Аномия и антинормы в науке: попытка определения.....	9
Рожковский В.Б., Кравцова А.М. Оценка философских идей Фридриха Ницше в русской мысли (Ф. Ницше и Н.Ф. Федоров).....	14
Сарикек Г.Р. Общество комфорта: экзистенциальные аспекты.....	20

Evloeva F.R. The Negative Aspects of Modern Media Influence on Human.....	4
Kuzmenkov V.A. Anomie and Antinorms in Science: an Attempt to Define.....	9
Rozhkovsky V.B., Kravtsova A.M. Evaluation of the Philosophical Ideas of Friedrich Nietzsche in Russian Thought (F. Nietzsche and N.F. Fedorov)...	14
Sarিকেk G.R. Society of Comfort: Existential Aspects.....	20

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Атапин Е.А. Факторы развития британского евроскептицизма во второй половине XX века.....	25
Исаев Д.П. Семейственность/династийность и практики государственного управления в истории России	30
Карпов Г.А. Специфика африканской миграции в Великобританию колониальной эпохи (XVI – XIX вв.).....	39
Лагошина Н.А. Ирландская колониальная торговля в XVIII веке.....	45
Мануковский Н.Г. Отношение шахтеров Дона к проблеме благоустройства своего жилища и рудничных поселков (вторая половина XIX века).....	52
Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в научно-популярном истолковании.....	58
Мусаева С.М. Национальный вопрос в культурной политике России эпохи перестройки....	64

Atapin E.A. The Factors of Development of British Eurocepticism in the Second Half of the 20th Century.....	25
Isaev D.P. Nepotism/Dynasticity and Practice of Governance in the Russian History.....	30
Karpov G.A. The Specifics of African Migration to Britain of the Colonial Era (16-19th Centuries).....	39
Lagoshina N.A. Irish Colonial Trade in the 18th Century.....	45
Manukovskiy N.G. Attitude of Don Miners to the Problem of Improvement of Their Homes and Mining Villages (the Second Half of the 19th Century).....	52
Mininkova L.V. The Theory of the Patrimonial State in the Popular Science Interpretation.....	58
Musayeva S.M. The National Question in the Cultural Policy of Russia in the Perestroika Era...	64

Пономарева М.А. Пути и методы пропаганды в СССР в 1960-е годы (на примере Ростовской области и Краснодарского края).....	70
Пуховская Н.Е. Эволюция франко-германских противоречий: от Вестфальского до Версальского мирного договора	75
Фиофанова Я.В. Роль профсоюзных организаций в жизни Ростовской области в 1960–1970-е годы.....	86
Щербakov В.Ю. Христианско-социальный союз в XXI веке. Баварские консерваторы на пути к «народной» партии?	91
Макрах Ойеинибийеридей Джой. Nigeria’s Foreign Policy: Involvement in ECOWAS.....	98

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Евченко Н.Н., Насыров Р.М. Импортзамещение российских продовольственных ретейлеров: опыт корпоративного производства торговой сети «Магнит».....	104
Хасанова Р.Р., Середкина Е.А. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних: анализ экспертных интервью.....	111

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Наталья Григорьевна Шатравкина.....	116
Вера Васильевна Дашевская.....	116
Инна Александровна Пехтерева.....	117

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2019 г.	118
--	-----

Ponomareva M.A. Ways and Methods of Propaganda in the USSR in the 1960s (on the Example of Rostov Region and Krasnodar Region).....	70
Pukhovskaya N.E. The Evolution of Franco-German Contradictions Between the Peace of Westphalia and the Treaty of Versailles.....	75
Fiofanova Ya.V. The Role of Trade Union Organizations in the Life of the Rostov Region in 1960-1970.....	86
Shcherbakov V.Yu. Christian Social Union in the 21st Century. Bavarian Conservatives on Their Way to a “People’s” Party?	91
Макрах Ойеинибийеридей Джой. Внешняя политика Нигерии: участие в ЭКОВАС.....	98

ECONOMIC SCIENCES

Yevchenko N.N., Nasyrov R.M. Import Substitution of Russian Food Retailers: Experience of Corporate Production of Trade Network “Mag-net”.....	104
Khasanova R.R., Seredkina E.A. Family as a Factor of Juvenile Delinquency: Analysis of Expert Interviews.....	111

OUR PERSONS

Natalia Grigorievna Shatravkina.....	116
Vera Vasilievna Dashevskaya.....	116
Inna Alexandrovna Pekhtereva.....	117

Index of Materials, published in the Journal “Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region. Social Sciences” in 2019.....	118
--	-----

ТЕОРИЯ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ИСТОЛКОВАНИИ

© 2019 г. Л.В. Мининкова ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE THEORY OF THE PATRIMONIAL STATE IN THE POPULAR SCIENCE INTERPRETATION

L.V. Mininkova ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Мининкова Людмила Владимировна –
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: lyudmila_mininkova@mail.ru

Ludmila V. Mininkova -
Doctor of History, Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: lyudmila_mininkova@mail.ru

Теория вотчинного государства как объяснительная модель, дающая общее истолкование особенностей исторического процесса в Московском государстве, могла излагаться на популярном уровне, делая свои основные положения и выводы доступными для широкого читателя. Такой подход был представлен в трудах ряда российских ученых XIX – начала XX в., что позволяет вместе с тем более конкретно понять, как данная теория могла объяснять некоторые стороны внутренней жизни России в позднее средневековье и раннее новое время. Такое изложение способствовало поиску историком своего читателя, а читателем – своего историка, способного дать понимание сложных вопросов исторической науки на доступном для него уровне. При этом читателю, по словам Ф.Ницше, «охраняющему и почитающему», было близким изложение этой теории И.Е. Забелиным, тогда как читателю, имевшему в сознании «критический» характер мышления – подход В.О. Ключевского и Г.В. Плеханова. Приверженцам выделенной Ф. Ницше «монументальной истории» эта теория предложить ничего не может.

Ключевые слова: теория вотчинного государства, Московское государство, популярная историческая литература, Ф. Ницше, И.Е. Забелин, В.О. Ключевский, Г.В. Плеханов.

The theory of the patrimonial state as an explanatory model, giving a general interpretation of the features of the historical process in the Moscow state, could be presented at the popular level, making its main provisions and conclusions available for the mass reader. This approach was represented in the works of a number of Russian scientists of the 19th - early 20th century, which allows at the same time to more specifically understand how it could explain certain aspects of the inner life of Russia in the late Middle Ages and early modern times. This presentation contributed to the historian's search for his reader, and the reader's search for his historian, able to give an understanding of the complex issues of historical science at an accessible level for his understanding. Moreover, to "protected and respected" reader, according to F. Nietzsche, the interpretation of this theory of I. E. Zabelin was more suitable, whereas to the reader who had in consciousness "critical" character of thinking - the approach of V. O. Klyuchevsky and G. V. Plekhanov was close. This theory can offer nothing to adherents of F. Nietzsche's "monumental history".

Keywords: theory of the patrimonial state, Moscow state, popular historical literature, F. Nietzsche, I.E. Zabelin, V.O. Klyuchevsky, G.V. Plekhanov.

Особенностью социально-гуманитарного научного знания является высокая степень обращенности его к читателю, не относящемуся к научной среде, но живо интересующемуся источниками и фактами, положениями и выводами этих дисциплин. Между тем данное обстоятельство

не всегда в должной степени учитывается самим профессиональным цехом историков и обществоведов. Известно, что в нем имеет определенную поддержку своего рода профессиональный снобизм, который хорошо выражается в идее «наука ради науки» или ее разно-

видности «история для истории». Нельзя сказать, что подобный подход не имеет оправдания. В некоторых случаях он неизбежен, поскольку в ходе научного исследования могут возникнуть такие проблемы, которые важны для правильного понимания источника, но которые, в силу своей специфики, не могут представлять значительного интереса для более широкого круга интересующихся историей читателей. Это, например, отдельные проблемы вспомогательных исторических дисциплин или некоторые узкие и специальные исторические проблемы. Подобную ситуацию описывал Р.Дж. Коллингвуд, видя ее в развитии исторической науки XIX в., когда такие выдающиеся историки, как Т. Моммзен, «стали величайшими знатоками исторической детали». У них «добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала». Но в конечном счете они сталкивались с тем, что «обычные читатели» считали, будто бы «факты, открываемые историей, неинтересны» [1, с. 123]. Подобная ситуация может иметь место и в исторической науке новейшего времени. С неизбежностью при этом возникал вопрос: а что же дальше? Что такое следует из этих фактов, которое может заинтересовать читателя?

Не случайно поэтому, что культурные запросы общества, заинтересованность его в историческом знании с неизбежностью ставят перед историком задачу преодоления такого профессионального снобизма, обращения не только к представителям своей профессии, но и к более широкому читателю. Особенно возрастает спрос на историческое знание в условиях нарастающей общественной нестабильности, в переломные исторические моменты, когда массовое сознание стремится выявить примеры и прецеденты современного состояния в прошлом. Отсюда возникают условия для взаимного сближения между читателем как потребителем исторического знания и историком как его производителем.

Но при этом очевидно, что в подобной ситуации «свой» должен найти «своего». Читатель – «своего» историка, а историк – «своего» читателя за рамками профессиональной среды. Некоторые примеры установления культурного соответствия между читателем и историком приво-дил Ф. Ницше. Так, по его мнению, человеку «деятельному и мощному, тому, кто ведет великую борьбу», требуется утвердить в своем сознании «монументальную историю», или «вели-

кие моменты в борьбе единиц», которые «знаменуют подъем человечества на вершины развития» [2, с. 131, 132]. Читателю другого типа, «охраняющему и почитающему», необходим труд «историка-антиквара». Такой читатель находит в труде подобного историка то прошлое, куда он «с верностью и любовью обращает свой взор» [2, с. 131, 136]. Наконец, человеку «страждущему и нуждающемуся в освобождении» необходим свой «способ» исторического осмысления – «критический», чтобы «разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше» [2, с. 131, 139].

Период становления и развития истории как научной дисциплины в XIX в. был временем формирования больших объяснительных моделей, в которых на основе анализа исторических фактов и выявления культурно-исторических особенностей отдельных макрообъектов исторического познания делались выводы о причинно-следственных связях, об общем и особенном в истории. Эти модели носили фундаментальный характер и претендовали на объяснение истории в рамках отдельной страны или хода истории человечества в целом. Одна из таких моделей – теория вотчинного государства, разработанная в России в середине XIX в. О ее силе говорит тот факт, что она сумела возродиться в наши дни, несмотря на то что в советское время она была по существу забыта. Но между тем сила ее также в том, что ее положения и выводы могли быть изложены в литературной форме, доступной образованному читателю за рамками профессиональной исторической среды. Эта теория могла быть представлена в разной читательской аудитории, в зависимости от особенностей культурного опыта читателя, от места его в разворачивавшемся в России общественно-политическом противостоянии.

Последователи этой теории в отечественной историографии показали не только способности использовать ее в качестве объяснительного инструмента для понимания сложных вопросов российского прошлого, но и находить свою читательскую аудиторию. Среди таких российских историков очень близко к своему читателю и к выделенной Ф. Ницше группе читателей подходит И.Е. Забелин. Не удивительно, что если сам историк как автор исторических трудов не может быть отделен от своего прошлого большого специалиста по музейным ценностям и антиквариату, то обращался он к читателю «охраняющему и почитающему». Как отмечал исследова-

тель творчества И.Е. Забелина А.А. Формозов, стремление его «написать не “Историю России” типа карамзинской или соловьевской, а “Историю русской жизни” или “русского домашнего быта”» [3, с. 70] не могло не иметь общественной поддержки.

Проблема истории домашнего быта, которая и в самом деле считается одной из существенных проблем исторического познания, ставит в центр исследовательского внимания историка семью, без понимания характера и особенностей которой невозможно во всей сложности и полноте уяснить особенности положения общества в целом, государства и населяющего его народа. Поэтому само по себе обращение к подобной проблематике является большим достижением историка. Более того, история семьи как одной из микроструктур общества в настоящее время все больше привлекает внимание современной гуманитарной и социальной науки. И в этом отношении И.Е. Забелин выступал своего рода историком-новатором, четко указавшим на то, что история семьи не менее важная проблема, чем история государства. Но несомненным недостатком его подхода к данному исследованию является отождествление в его сознании двух общественных структур, резко различных по степени своей сложности, из которых одна представляет собой микроструктуру общества, а другая – его макроструктуру, т. е. семью и государство соответственно.

Отождествление семьи и государства, которое имело место в трудах И.Е. Забелина, само по себе обеспечивало интерес к этой теме массового российского читателя, делало для него рассуждения историка близкими и понятными, составляло характерную черту российского массового сознания, было логической основой его патернализма. В самом деле патернализм по отношению к княжеской, великокняжеской и царской власти соответствовал понятию о патерналистском устройстве семьи, а место князя и государя соответствовало представлению о главе семьи. Указывая на то, что новгородцы называли великого князя московского «Государем», И.Е. Забелин видел в таком наименовании перенесение на политические отношения традиций в семейных отношениях. По его словам, это было «простое рядовое обычное наименование каждого домохозяина, владыки дома или своей семьи». Как подчеркивал историк, этому наименованию полностью соответствовало положение крупного землевладельца-вотчинника, такого,

как великий князь московский, который «стал уже домохозяином и владыкой не одной Москвы, но всей Низовой Русской земли, лежавшей в речном углу Волги и Оки» [4, с. 132].

И.Е. Забелин считал, что взгляд на государя-монарха как на государя-домовладельца и вотчинника был очень хорошо понятен людям Московского государства. Основывался он на том, что несколько поколений еще в период Великого княжества Московского привыкли нести многообразные «службы вотчиннику, службы лицу». Но у них не сложилось «отвлеченного понятия отечества или государства». Положение московского государя как вотчинника имело место при Иване Грозном, но сохранялось и в более позднее время. При первых царях из династии Романовых государь не в меньшей степени предстал в массовом сознании русского общества не только носителем высшей государственной власти, но и «вотчинником-господарем» [5, с. 59].

Еще К.Д. Кавелин, в качестве негативного последствия установления в Московской Руси вотчинного государства указывал на то, что такой режим вытекал «из начал рабства» [6, с. 179]. Правота его несомненна. Однако такую сторону отношений между государем-вотчинником и служившим ему лицом, которое предполагало холопское начало службы, И.Е. Забелин не рассматривал. Напротив, он отмечал вполне позитивную основу этих отношений. По его словам, дружинники киевского периода русской истории «очень скоро обратились в слуг, и имя слуги сделалось самою высшею наградою за службу вообще. Древнее выражение: страдать за Русскую землю, заменилось новым: служить государю» [5, с. 59].

Появление понятия «слуги» не случайно, оно не несло в себе такую негативную коннотацию, как слово «холоп» или упоминание «начал рабства» К.Д. Кавелиным. Оно использовалось И.Е. Забелиным, поскольку, по его мнению, полнее выражало смысл того, каким осознавали люди Московского государства свое положение по отношению к государю. Они не видели худших сторон своего состояния и понимали его таким, каким оно досталось от предков, считая его нормой.

Историк подчеркивал глубокую органичность представления русского населения о государстве как о вотчине государя. Такая характеристика вотчинного государства выражала, однако, не только представление о московском

царе как о вотчиннике, которому принадлежит государство, но и об определенной части своих современников, среди которых такое представление держалось. Оно оказалось намного более устойчиво, чем сам режим вотчинного государства. И если в переписном листе переписи населения Российской империи 1897 г. Николай II обозначил себя: «Хозяин земли Русской», то только потому, что так считала часть общества. К такому читателю были обращены сочинения И.Е. Забелина. Этот читатель – представитель консервативного сегмента русской общественной мысли.

Совершенно другому читателю подавалась теория вотчинного государства в ее изложении марксистом Г.В. Плехановым. В его фундаментальном труде «История русской общественной мысли», который содержит комплексный социокультурный анализ идейных установок и интеллектуальной жизни русского общества средневековья и нового времени, теория вотчинного государства проходит красной нитью. При том очевидно, что вотчинное государство и понятие о государстве как о вотчине государя, составляющее основу этой теории, у революционера Г.В. Плеханова вызывают противоположное к себе отношение по сравнению с историком-антикваром и исследователем русского быта И.Е. Забелиным, видевшим в таком государстве наглядный пример единения русской власти с народом, единство в устройстве русского общества на государственном макроуровне и семейном микроуровне. Отсюда, по его мнению, глубина корней государственного строя страны в русском народном быту составляла сущность самой системы вотчинного государства. Иных взглядов придерживался Г.В. Плеханов. Он оказался значительно ближе к основоположнику этой теории, чем выдающийся историк русского быта, поскольку разделял мысль К.Д. Кавелина о рабских основах этих отношений. Но как марксист он в центр своего анализа ставил не правовую, но социально-экономическую сторону этих отношений и их политические последствия.

В таком государстве, подчеркивал Г.В. Плеханов, отношения собственности как явление экономического базиса оказывались в зависимости от политической надстройки общества, которой являлась власть вотчинного государя. Следовательно, в Московском государстве не могло сложиться института частной собственности в том виде, как он сложился в западноев-

ропейских странах и стал источником их ускоренного исторического развития. Отсюда его замечание: «Абсолютная власть показалась бы французскому третьему сословию несносным игом, если бы государь вздумал обращаться с имуществом своих подданных и с ними самими так, как обращается вотчинный монарх в своей стране» [7, с. 167].

Мысль о холопском начале, лежавшем в основе вотчинного государства, которую высказывал еще К.Д. Кавелин, Г.В. Плеханов значительно продвинул вперед. Он считал, что холопское, или рабское, начало в основе вотчинного государства делало его устойчивой политической конструкцией. «Холопы не способны были дорасти и до ... мысли об ограждении прав высших классов общества какими-нибудь законными нормами» [7, с. 224]. В доказательство он приводил князя А.М. Курбского, идейного противника Ивана Грозного. «В нем нет холопского настроения», – говорил Г.В. Плеханов о князе, и в этом видел уникальность его личности для своего времени. Но культура окружающего общества сказывалась на его сознании настолько, что он «решительно не способен противопоставить последовательному учению Ивана о беспредельной власти царя сколько-нибудь стройную теорию политических прав, если не всех жителей страны, то хотя бы высших ее классов» [7, с. 193–194]. Отсюда устойчивость и длительное существование системы. Но и после Смуты власть царя «в государственных делах ... оставалась беспредельной» [7, с. 224], что соответствовало состоянию вотчинного государства.

Российское общество того времени, когда Г.В. Плеханов работал над своим трудом, представляло для него весьма широкую читательскую аудиторию. После первой революции в России 1905–1907 гг. и продолжавшегося системного кризиса самодержавия положение о холопских началах вотчинного государства и самодержавного строя было созвучно настроениям весьма значительной части общества. Эта часть общества не могла не разделять мысль автора о несоответствии существовавшей в России политической системы условиям новейшего времени, о необходимости ее решительного слома. Такой читатель плехановского труда, написанного вполне понятным всякому образованному человеку языком, был тем, кто, согласно Ф. Ницше, воспринимал «критический» «способ» осмысления истории, кто стремился

ради дальнейшей жизни «разбивать и разрушать» прошлое, дожившее до новейшего времени и бесспорно устаревшее. Подобному читателю как человеку не только «страждущему и нуждающемуся в освобождении», но и прошедшему опыт революционного времени, мысли Г.В. Плеханова о вотчинном государстве были понятны и близки.

Но была еще одна часть российской читательской аудитории, живо интересующаяся вопросами истории и политики, однако не доводившая свои политические выводы до степени революционного радикализма. Она принимала критику власти и ее прошлого, но в то же время была готова признать процесс эволюции этой власти, изживание наиболее устаревших сторон в российских общественных отношениях и в государственном строе страны. Теория вотчинного государства давала свой вариант, приемлемый для такой аудитории. Выработан он был в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского, где резкая критика системы вотчинного государства сочеталась с осторожным высказыванием историка об уходе этой системы в прошлое, с приведением определенного культурно-исторического обоснования.

В этой аудитории положительно воспринималось стремление историка показать сложность и постепенность формирования и развития разных форм политического устройства. Он утверждал, что «в московском князе XIV – XV вв., даже великом князе, было ... много частного владельца, закрывавшего собой государя» [8, с. 33]. Те же мысли высказывались о единстве вотчины и государства в Московской Руси. Он приводил изложение переговоров Ивана III с великим князем литовским Александром, который якобы говорил, что «мне ... разве не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, – Киева, Смоленска и других городов?». Согласно В.О. Ключевскому, Иван III понимал Русскую землю как свою вотчину. Так же считали и русские дипломаты того времени, говорившие, что «Русская земля – от наших предков из старины наша вотчина» [8, с. 117]. Тем самым, подчеркивал В.О. Ключевский, представление о вотчине способствовало объединению русских земель. Но эти представления историк оценивал как устаревшие, хотя они прочно держались, и, по его словам, «ни из чего не видно, чтобы Иван III понимал отчину как-нибудь иначе, не так, как понимали эту форму его удельные предки» [8, с. 127]. То же самое он

видел и при последующих государях старой московской династии. Но не только вотчинные государи представляли Русскую землю своей вотчиной. В целом «московские люди того времени» были уверены, что «Московское государство ... есть государство московского государя, а не московского или русского народа» [9, с. 52].

В качестве оборотной стороны такого представления В.О. Ключевский выделял положение народа в таком государстве. «По отношению к царю все его подданные считались холопами, дворовыми его людьми, либо сиротами, безродными и бесприютными людьми, живущими на его земле» [9, с. 68], – подчеркивал он. Однако потрясения Смутного времени способствовали резкому изменению в массовом сознании сложившихся представлений, согласно которым разные слои населения Московского государства видели «в своем государе ... хозяина московской государственной территории». Эти события показали, что без государя «государство не распалось, а собралось с силами и выбрало себе нового царя» [9, с. 67], что «общество, народ не политическая случайность», но «политическая случайность есть скорее всего династия» [9, с. 68], которая приходит и уходит. Распространению нового представления о государстве и о месте в нем государя и народа способствовали, указывал В.О. Ключевский, земские соборы. По его мнению, благодаря собору 1598 г., на котором был избран Борис Годунов, появилась «новая идея народа не как паствы, подлежащей воспитательному попечению правительства, а как носителя ... государственной воли, которая на соборе передавалась избранному царю» [8, с. 395].

В.О. Ключевский совершенно справедливо не настаивал на уходе после Смуты в прошлое состояния вотчинного государства. Но он тем не менее обратил внимание на то, как новые политические понятия способствовали важным изменениям в характере общественных отношений. Так, указывал он, до Смуты, когда подданные смотрели на государство как на вотчину государя, «народное недовольство ни разу не доходило до восстания против самой власти». Народ «выработал особую форму политического протеста», не восставал против государства, но люди «выходили из него, “бредили розно”, бежали из государства». После Смуты сложилась иная ситуация. Люди «восстают» против власти в государстве, «потому что не считают его чу-

жим для себя» [9, с. 52], что находило свое проявление в форме «бунташного века».

Аудиторией, воспринимавшей рассуждения В.О. Ключевского о вотчинном государстве, была прежде всего близкая ему академическая и студенческая среда, а также либеральная интеллигенция, к которой принадлежал и сам выдающийся историк, но относился к ней в то же время весьма критически. Работал он над второй и третьей частью своего «Курса» в условиях начавшейся в 1905 г. революции. По наблюдению его биографа М.В. Нечкиной, он по своим общественно-политическим воззрениям в тот период «левет» [10, с. 407], и не удивительно, что характеристика им вотчинного государства как системы власти с холопством подданных в виде оборотной стороны была весьма негативной и воспринималась в его читательской аудитории положительно. В условиях революционной ситуации и начавшейся революции слушатель и читатель курса В.О. Ключевского – это человек, настроенный, по характеристике Ф. Ницше, к критическому восприятию прошлого и его опыта.

Таким образом, теория вотчинного государства способна восприниматься в разных по своей социокультурной и политической ориентации читательских аудиториях, положения ее могли разделяться и почитателями старины, и противниками ее традиций. Не находит, однако, своих приверженцев эта теория среди сторонников выделенной Ф. Ницше монументальной истории, поскольку ничего предложить им не может. Тем не менее способность этой теории быть принятой в разных аудиториях свидетельствует о силе и убедительности ее как объяснительной модели для российского исторического процесса.

Литература

1. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М. : Наука, 1980. 485 с.
2. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Философия истории. Антология. М. : Аспект пресс, 1995. 351 с.
3. Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М. : Московский рабочий, 1984. 239 с.

4. Забелин И.Е. История города Москвы от Юрия Долгорукова до Петра I. М. : Вече, 2006. 688 с.

5. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях : в 3 кн. М. : Книга, 1990. Кн. 1. 416 с.

6. Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. 224 с.

7. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Соч. М.; Л., 1925. Т. 20.

8. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 2, ч. 2. 468 с.

9. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 3, ч. 3. 426 с.

10. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М. : Наука, 1974. 640 с.

References

1. Kollingvud R.Dzh. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Moscow: Nauka, 1980, 485 p.
2. Nitshe F. [On the Use and Abuse of History for Life]. *Filosofiya istorii. Antologiya* [Philosophy of History. Anthology]. Moscow: Aspekt press, 1995, 351 p.
3. Formozov A.A. *Istoriik Moskvy I.E. Zabelin* [Historian of Moscow I.E. Zabelin]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1984, 239 p.
4. Zabelin I.E. *Istoriya goroda Moskvy ot Yuriya Dolgorukova do Petra I* [The History of the City of Moscow from Yuri Dolgoruky to Peter I]. Moscow: Veche, 2006, 688 p.
5. Zabelin I.E. *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh* [Domesticity of Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries]. In 3 vol. Moscow: Kniga, 1990, vol. 1, 416 p.
6. Kavelin K.D. [A Brief Look at Russian History]. *Izbrannoe* [Selected]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 224 p.
7. Plekhanov G.V. [History of Russian Social Thought]. *Soch.* [Works]. Moscow; Leningrad, 1925, vol. 20.
8. Klyuchevskii V.O. [Russian History Course]. *Soch.* [Works]. In 8 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1957, vol. 2, part 2, 468 p.
9. Klyuchevskii V.O. [Russian History Course]. *Soch.* [Works]. In 8 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1957, vol. 3, part 3, 426 p.
10. Nechkina M.V. *Vasilii Osipovich Klyuchevskii. Istoriya zhizni i tvorchestva* [Vasily Osipovich Klyuchevsky. History of Life and Work]. Moscow: Nauka, 1974, 640 p.